

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Прививка для маньяка

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Русский бестселлер

Николай Леонов

Прививка для маньяка

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Прививка для маньяка / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2017 — (Русский бестселлер)

ISBN 978-5-699-94362-3

У домработницы предпринимателя Глеба Звоницкого – беда. Ее дочери Кире угрожает сумасшедший маньяк. Глеб пытается защитить Киру, но тоже становится мишенью преступника. Глеба жестоко избивают, пытаются отравить, в его офис закладывают бомбу, похищают сотрудницу. Звоницкий понимает, что ему объявлена настоящая война. Он принимает вызов и не собирается сдаваться даже после того, как узнает, кто скрывается под маской маньяка...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-94362-3

© Леонов Н. И., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Николай Леонов, Алексей Макеев

Прививка для маньяка

© Макеев А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Его далекий предок во времена императора Нерона был внесен в проскрипционные списки и казнен за то, что во время военного похода в присутствии двенадцати свидетелей помог, не сняв с пальца кольцо с головой императора. А другой был высажжен с парусного корабля за неповиновение капитану на необитаемый остров, где и закончил свои дни в возрасте девяносто трех лет, ни разу не унижившись до того, чтобы разжечь костер или иным образом подать сигнал о спасении. Правда, Глеб Звоницкий не знал ни о том, ни о другом случае – семейное предание не сохранило подробностей этих историй. Но незнание, как известно, не освобождает от ответственности. От предков Глеб Аркадьевич явно унаследовал свойство поступать не по правилам, а так, как считал нужным, – и плевать на цену, которую придется за это уплатить!

Вот и сейчас Звоницкий стоял, держа на вытянутой руке взрывное устройство. Провода от него уходили под куртку, прямо к бьющемуся сердцу.

Глаза заложников смотрели на Глеба с отчаянием и страхом.

– У меня тут октоген, – сказал Звоницкий, нехорошо усмехаясь. – Этого количества хватит, чтобы обрушить несущую стену. А что там, за стеной? Кухня, верно? А в ней газовые трубы. Ну что? Твой ход!

– Ты блефуешь. Нет у тебя никакого октогена, – облизнул пересохишие губы его враг.

– А ты проверь! – оскалился Звоницкий.

С минуту оба таранили друг друга взглядами, наконец противник отвел глаза.

– Валяй, взрывай! Вместе сдохнем.

– Надо же, а я хотел предложить тебе выход из создавшейся ситуации, – задумчиво произнес ветеринар.

Враг вскинул голову и уставился на Глеба:

– Выход?..

Глава 1

– Мое сердце остановилось, мое сердце заме-е-ерло... Мое сердце остановилось... отдышалось немного и снова пошло!

– Жениться вам пора, Глеб Аркадьевич.

Ветеринар Звоницкий поднял голову и в изумлении уставился на домработницу. Варвара Михайловна, полная пожилая дама с аккуратным пучком белоснежных волос и уютными ямочками на пухлых щеках, стояла в дверях и, пригорюнившись, слушала жалобную песню в исполнении своего хозяина.

Привычка напевать во время работы, не требующей умственных усилий, появилась у Глеба Аркадьевича давно – еще в юности. Тогда студент «ветеринарки» выводил: «Я хочу быть с тобой, я так хочу быть с тобой, и я буду с тобой» – или выкрикивал: «Группа крови на рукаве, мой порядковый номер на рукаве, пожелай мне удачи в бою...» Но прошли годы, и теперь репертуар Звоницкого необычайно расширился. Наряду с оперными ариями там присутствовали: «Желтая подводная лодка», «Мурка» и «Маруся отравилась», «Интернационал», «Течет реченька по песочечку», «Прощание славянки», «Врагу не сдастся наш гордый «Варяг» и множество русских народных песен, творений бардов шестидесятых, а также романсов прошлого и даже позапрошлого века.

Домработница хорошо изучила привычки своего работодателя. Она знала – если Глеб Аркадьевич мурлычет себе под нос: «На палубу вышел, сознанья уж нет, в глазах у него помутилось», – значит, неважно себя чувствует и лучше оставить его в покое. А если выводит: «Скатерть белая залита вином, все гусары спят беспробудным сном. Лишь один не спит, пьет шампанское за любовь свою, за цыганскую», – тогда все в порядке, дела в ветеринарной клинике идут хорошо. И можно подойти к хозяину с любым вопросом, даже самым неприятным, – он отнесется к этому с добродушной усмешкой, которая делает его похожим на большую собаку породы кане-корсо.

– Что вы сказали, Варвара Михайловна? – переспросил Звоницкий.

– Извините, Глеб Аркадьевич, – смутилась пожилая дама. – Конечно, это не мое дело... Но вам пошло бы на пользу, если бы вы подыскали какую-нибудь приятную женщину и не были так одиноки.

Звоницкий отодвинул в сторону будильник и отвертку и с интересом взглянул на домработницу. Будильник – жутковатого вида металлический агрегат со знаком «ГОСТ» на задней крышке – ветеринар разыскал на антресолях. Эта вещь принадлежала еще его покойному отцу. Вспомнил, как пионером просыпался под чудовищный бодрый звон, чтобы не опоздать в школу, и решил посмотреть: а вдруг получится починить? За приступ ностальгии Звоницкий дорого заплатил – вот уже три вечера подряд копался в пыльных внутренностях будильника, пытаясь разобраться, что не так в этом царстве пружин и колесиков. Ветеринаром Глеб Аркадьевич был хорошим, а вот с техникой не дружил. Так что поиски неполадок стали делом принципа, и вместо отдыха после трудового дня он упорно изображал часовщика-самоучку.

– Вообще-то я уже был женат, – хмыкнул Глеб, – и ничем хорошим это не кончилось.

Варвара Михайловна потупилась. Она была в курсе этой истории. Дело в том, что жена Звоницкого, с которой он прожил больше двадцати лет, оставила его ради преуспевающего политика. Через год после развода с Глебом Аркадьевичем случилось совсем уж страшное – рядом с ним взорвалась начиненная гексогеном машина. Не то чтобы кто-то пытался устранить именно Звоницкого – вовсе нет. Да, он работал в прокуратуре, но вовсе не был таким уж рьяным борцом с преступностью, чтобы ради него стоило так стараться. Просто Глеб оказался не в то время и не в том месте.

Целых две минуты он был мертв. А потом его откачали. Почти год он пролежал в больнице, но ничего, вышел, даже зрение восстановилось. Правда, нога почти не сгибалась в колене, и Глеб довольно долго ходил с тростью, даже машину пришлось переделать под ручное управление... Но это сущие пустяки.

Звоницкий никогда и никому не рассказывал, что же он видел там, по другую сторону реальности, но с этого дня круто поменял свою жизнь. Завершил ветеринарное образование, когда-то оставленное по настоянию жены, и открыл собственную клинику на окраине столицы. Клиника процветала – во многом потому, что Глеб Аркадьевич проводил там по четырнадцать часов в сутки и никогда не отказывал клиентам, даже самым неимущим.

В общем, в профессиональной сфере Звоницкий, как говорится, состоялся. Считая карьеру в прокуратуре, которую он сделал до взрыва, состоялся дважды. А вот с личной жизнью дело как-то не ладилось. Времени на эту самую личную жизнь катастрофически не хватало, и Глеб уже смирился со случайными романами, ни один из которых не продлился больше нескольких недель. Правда, совсем недавно Звоницкий встретил потрясающую женщину. Елена Йоффе была биохимиком, обладала приятной внешностью и чувством юмора, и Глеб уже решил было, что их серьезные отношения так же дороги Елене, как и ему самому... Но тут случилось непредвиденное. Госпожа Йоффе уехала за границу и осталась там навсегда. Ей предложили преподавание – то ли в Беркли, то ли где-то еще... Звоницкий не вникал. Главное, что их отношениям пришел конец. Да, времена «железного занавеса» остались в прошлом, он вполне мог оформить визу, сесть в самолет и спустя несколько часов оказаться по другую сторону океана... Но ведь потом все равно придется возвращаться.

В общем, ветеринар, напевая, старательно чинил будильник, а домработница, пригорюнившись, смотрела на хозяина и думала, что тот «страдает от разбитого сердца». Варвара Михайловна любила романы о любви, причем макулатуры в бумажных обложках принципиально не признавала. Зато перечитывала «Унесенные ветром», «Поющие в терновнике», «Тэсс из рода Д'Эрбервиллей» и прочие «Вешние воды».

– Давайте оставим мою личную жизнь в покое, – вздохнул ветеринар. – Поговорим лучше о вас, уважаемая Варвара Михайловна.

Домработница зарделась, как девушка, и махнула рукой:

– Что вы, Глеб Аркадьевич! Ничего интересного во мне нет, и не о чем разговаривать. А вот вы рановато поставили крест на матримониальных планах!

– Каких, простите?! – закашлялся, скрывая улыбку, Звоницкий.

– Матримониальных. То есть речь идет о браке.

– Это что, латынь? – уставился он на пожилую даму.

– Возможно, – смутилась Варвара Михайловна. – Но это совершенно неважно! А важно то, что вы в ваши годы...

Звоницкий вздохнул. Дело в том, что домработница появилась в его жизни, когда он только что вышел из больницы. Тогда Глеб с трудом передвигался, тяжело опираясь на трость, и не снимал темных очков в любую погоду – взрывом ему повредило сетчатку глаз. Варвара Михайловна принялась заботиться о нем, продолжала заботиться и сейчас и совершенно не желала замечать, что перед ней вовсе не беспомощный одинокий инвалид, а нормальный здоровый (ну почти) мужик, которому даже полтинника не исполнилось! Ее удушающая забота порой так раздражала, что ветеринар подумывал, не расстаться ли с милейшей Варварой Михайловной. Особенно часто такие мысли посещали Глеба, когда пожилая дама пыталась устроить его личную жизнь. Но он быстро остывал. Домработница была необходимой частью его жизни, обеспечивая крепкий тыл и позволяя не думать о том, что будет на ужин после тяжелого трудового дня. И еще одно останавливало ветеринара. Он знал, что Варвара Михайловна – глава большого и бестолкового семейства, состоящего сплошь из женщин. Домработ-

ница была, так сказать, «матриархом», и лишить ее на старости лет заработка – кстати, весьма неплохого – было бы просто жестоко. Поэтому Звоницкий перевел разговор на другую тему:

– Как поживает ваш внук?

Шестилетний Алеша был властелином бабушкиного сердца, кумиром семейства, и рассказывать о своем внуке Варвара Михайловна могла часами. Но сейчас она почему-то тяжело вздохнула, и глаза ее наполнились слезами.

– Что? – заволновался Глеб. – С вашим мальчиком что-то случилось? Он заболел?

Домработница промокнула слезу уголком кипенно-белой салфетки и с чувством проговорила:

– Спасибо вам, Глеб Аркадьевич!

– За что? – испугался Звоницкий. Он, кажется, пока еще ничего не обещал...

– За чуткость, – всхлипнула Варвара Михайловна. – Вы необычайно чуткий человек!

Каждое утро я говорю себе и своим домашним, как же мне повезло, что именно вы взяли меня на работу!

Глеб невольно скривился. Он бывал разным – то чутким, а то совершеннейшей свиньей и равнодушной скотиной – по крайней мере, именно так утверждала его бывшая супруга.

– И что же вам отвечают ваши домашние? – спросил он, чувствуя себя чрезвычайно неловко.

– Что да, мне очень повезло.

– Так что там с Алешей? Он болен?

– Третий день ничего не ест и почти не спит, – горестно закивала Варвара Михайловна.

– А температура? Температура нормальная?

– Алешенька просто-напросто переживает, – всхлипнула домработница. – Он нервный и чувствительный мальчик, а тут такое несчастье...

– Какое... несчастье?

– Понимаете, на день рождения Алеше подарили котенка. Смешная такая лопоухая зверушка. Но кошка породистая и дорогая. Мы всей семьей откладывали деньги, потому что мальчик очень просил. Моя дочь Кира купила котенка, Алешенька был так рад...

– С котенком что-то случилось? – догадался Глеб.

– Три дня назад он вдруг начал странно себя вести. Не ходит в туалет, все время плачет. И Алешенька все время плачет... – пожаловалась Варвара Михайловна.

– А к ветеринару вы кота водить не пробовали? – потрясенно уставился на нее Звоницкий. – Говорят, помогает.

Он чувствовал, как в нем поднимается волна раздражения. Ему постоянно приходилось сталкиваться с такими вот хозяевами, которые три дня «маринуют» несчастное животное дома, наблюдая за его страданиями, – еще бы, пожаловаться оно ведь не может! – вместо того чтобы хватать больного под мышку и мчаться в ближайшую «ветеринарку».

– К примеру, в мою клинику от вашего дома можно доехать за пятнадцать минут. Клиника, кстати, открыта с восьми утра до восьми вечера. Специально, чтобы работающий человек мог успеть попасть на прием!

Домработница посмотрела на Звоницкого, который продолжал кипятиться, и сказала:

– Так и знала, что вы будете нас ругать. Дело в том, что я весь день занята работой, Варенька и Машенька учатся, Танечка в ночную смену, а моя дочь Кира не любит выходить из дома. Так что отвезти котика к врачу было просто некому, понимаете?

Звоницкий вдруг поднялся. Поскольку роста в нем было метр девяносто, выглядело это настолько угрожающе, что домработница даже попятилась. Но Звоницкий только устало вздохнул и скомандовал:

– Выезд через пять минут. Попрошу не задерживаться.

– Вы куда-то уезжаете на ночь глядя? – изумилась Варвара Михайловна.

– Так точно. Уезжаю. К вам домой, посмотреть, что там приключилось с вашим котом... Она всплеснула руками и побежала переодеваться.

Серебристый «Мицубиси Паджеро» с ручным управлением за пятнадцать минут домчал ветеринара и его домработницу до пункта назначения. Означенный пункт – а именно жилище Варвары Михайловны – представлял собой шестнадцатизэтажку, затерянную среди десятков точно таких же в гигантском кластере новостроек. По иронии судьбы или благодаря чьему-то странному чувству юмора, улица с одинаковыми домами носила гордое название «проспект Строителей» – совершенно как в старом фильме.

Вечер дышал прохладой. Звоницкий остановился, задрал голову, и принялся изучать многоэтажки. Домработница суежилась на заднем сиденье «Паджеро», собирая свои многочисленные сумки и пакеты.

Тут кто-то больно ткнул Звоницкого в поясницу. Последний год выдался у Глеба чрезвычайно богатым на всякие криминальные события, поэтому он резко обернулся, готовый дорого продать свою жизнь.

Но на тротуаре стоял вполне безобидный человечек. Незнакомец был одет в сандалии, белоснежные носочки, чистые мешковатые шорты и майку с изображением покемона. Глеб напрягся и припомнил, что этого желтого монстрика с хвостиком в виде молнии звали, кажется, Пикачу. Не так давно один юный хозяин четвероногого пациента просвещал ветеринара... На голове у незнакомца была старая милицейская фуражка с резиночкой под подбородком. В руке он сжимал подобие жезла сотрудника автоинспекции – палку, обмотанную серебристой кулинарной фольгой. Человечек помахал жезлом и пробормотал что-то, строго глядя на Звоницкого. Определить возраст незнакомца не представлялось возможным. При первом же взгляде на него становилось ясно, что у него синдром Дауна.

– Глеб Аркадьевич, извините, ради бога, не сердитесь на него, – забормотала подоспевшая домработница. – Это Сережа. Он совсем безобидный.

– Да я и не сержусь, – пожал плечами ветеринар. – Просто он ткнул в меня своей палкой.

– Это он вам намекает, чтобы вы переставили машину, – улыбнулась Варвара Михайловна. – Сережа воображает себя милиционером. То есть полицейским. Точнее, сотрудником ГАИ. То есть ГИБДД...

Звоницкий жестом прервал окончательно запутавшуюся домработницу и произнес:

– Я припарковался нормально, правил не нарушал. Давайте оставим Сережу в покое и поднимемся наконец к вам. Время позднее, знаете ли.

Варвара Михайловна окончательно сконфузилась и заторопилась:

– Конечно, конечно, извините меня... Вот сюда, в этот подъезд, пожалуйста.

Квартира ее находилась на последнем, шестнадцатом этаже. Лифт поднимался долго, и они старательно смотрели в разные стороны. Пялиться друг на друга было неудобно, а говорить не о чем.

Домработница открыла дверь ключом. Точнее, ключами, которых у нее оказалась целая связка. Она отпирала один замок за другим, а Звоницкий злился и недоумевал: ради чего небогатой старушке такая солидная коллекция замков на двери?

Наконец Глеб вслед за домработницей переступил порог и оказался в кольце из прыгающих девочек. Сначала ему показалось, что их очень много, но вскоре выяснилось – только две. Шуму от них было, как от выводка тойтерьеров.

– Бабушка, бабушка пришла! – вопили девочки, одна беленькая, другая черненькая, вырывая сумки из рук Варвары Михайловны.

– Девочки, успокойтесь, – взмолилась она. – Вы пугаете Глеба Аркадьевича. – И тревожным шепотом спросила у старшей девочки: – Ну как?

– Плачет, – по-взрослому вздохнула та.

– Проходите, прошу вас! – пригласила гостя Варвара Михайловна.

Звоницкий пошаркал ботинками о коврик, но разуваться не стал. Перехватил поудобнее чемоданчик с инструментами и шагнул в комнату.

За круглым старинным столом сидели двое – мать и сын. Мальчик лет шести и молодая женщина хрупкого телосложения. У обоих были потрясающей синевы глаза и пепельно-русые волосы. Алешу Звоницкий видел и раньше, а вот его мать увидел впервые.

– Познакомьтесь, Глеб Аркадьевич, это моя дочь Кира, – церемонно проговорила пожилая дама.

Кира удивленно приподняла совершенной формы брови, и Глеб сообразил, что тарасится на молодую женщину, как деревенский подросток на городскую учительницу. Дело в том, что дочь милейшей Варвары Михайловны нисколько не походила на свою уютно-пухлую мамочку и была невероятно, неправдоподобно красива. Изящно вылепленные скулы, точеный носик, белоснежная кожа без малейших признаков вульгарного румянца, пепельные кудри и большие глаза... В общем, такие красавицы встречаются в нашем несовершенном мире чрезвычайно редко – как белые тигры или исчезающие виды орхидей.

– Глеб Аркадьевич был так добр, что приехал лично осмотреть Зайчика! – торжественно произнесла домработница.

Звоницкий, вздрогнув, очнулся и сразу нахмурился:

– Зайчика? Позвольте, кажется, недавно речь шла о коте...

– Это его так зовут – Зайчик, – всхлипнул Алеша. – А вообще-то он кот.

– И где же он?

– Вот. – Мальчик развернул полотенце у себя на коленях и извлек худого ушастого кота.

Звоницкий протянул руки и принял невесомое тельце. Котенок был так слаб, что даже не пытался царапаться. С первого взгляда Глеб определил, что перед ним чистопородный девон-рекс и что дела его плохи. Он немедленно выбросил из головы мысли о прекрасных дамах и деловито поинтересовался:

– Как давно он болен?

Все семейство домработницы, включая топтавших в дверях девочек, принялось наперебой излагать подробности. Зайчик болен третий день, бедняжка ничего не ест и все время плачет. Жалобно мяукает при попытке сходить в лоток.

Звоницкий вернул котенка мальчику и выложил на стол чемоданчик. Щелкнули замки. Все семейство, затаив дыхание, следило за действиями ветеринара. Тот надел резиновые перчатки, извлек из футляра термометр и, ловко перехватив котенка одной рукой, привычным движением вставил градусник в попу страдальца. Глаза у кота сразу сделались изумленными. Извлекая термометр, Глеб взглянул на него и кивнул:

– Так и есть. Скорее всего у вашего Зайчика инфекция мочевыводящих путей. Частая болезнь у котов. Если не лечить, последствия будут самые печальные.

Глаза Алеши немедленно наполнились слезами. Звоницкий заметил, что у Киры тоже глаза на мокром месте. Зато Варвара Михайловна раскисать не стала и деловито спросила:

– Но ведь его можно вылечить? Вы можете?

– Попробую. Если процесс не зашел слишком далеко, через несколько дней ваш Зайчик будет здоров. Антибиотики творят чудеса. Но для верности я бы свозил котенка в клинику на УЗИ.

Варвара Михайловна тут же решительно подхватила Зайчика на руки:

– Я поеду с вами, Глеб Аркадьевич!

– Отлично, – вздохнул ветеринар. – Давайте я сделаю котенку укол, пусть лекарство уже начнет действовать.

Он вколол Зайчику дозу антибиотика, витамины и иммуномодулятор. Котенок только жалобно пискнул. Ничего, вскоре его состояние улучшится. Лекарство отличное, если лечение начато не слишком поздно, все будет нормально...

– А можно мне с вами? – неожиданно спросил Алеша, глядя на ветеринара синими, как у матери, глазами.

– Поехали! – усмехнулся Глеб. – Прокачу вас с бабушкой до клиники и обратно.

Кира вдруг всхлинула и обняла сына, как будто мальчик отправлялся в кругосветное путешествие. Звоницкий старался не тарачиться слишком явно, но все-таки смотрел во все глаза. Удивительно нервная молодая женщина...

– Кира, не волнуйся, мы скоро вернемся, – строго сказала Варвара Михайловна. – С Глебом Аркадьевичем мы будем в полной безопасности.

Женщина разжала руки, выпустила сына из объятий и, повернувшись к Глебу, попросила:

– Только не задерживайтесь слишком долго, я буду волноваться.

– Зайчик, мы едем лечиться! – вдруг завопил Алеша. Видимо, поездка в ветеринарную клинику была для мальчика развлечением.

Он уселся на заднее сиденье, прижимая к себе кота, и блаженно зажмурился. Вообще-то у Звоницкого не было детского кресла, но ветеринар понадеялся на русский авось – дороги пусты, час пик давно позади, если ехать медленно, то все будет в порядке.

Разворачиваясь, Глеб кинул взгляд в зеркало заднего вида. В сумерках маячила фигура Сережи. Маленький человечек поднял руку и помахал жезлом вслед машине. Звоницкий в ответ помигал фарами.

Всю дорогу в машине царило напряженное молчание. Алеша наслаждался поездкой, котенок тяжело дышал. Варвара Михайловна смущенно косилась на Глеба и явно чувствовала себя очень неловко. Несколько раз она пыталась заговорить, Звоницкий резко пресекал эти попытки. Уже на подъезде к клинике он, не выдержав, спросил:

– Скажите, пожалуйста, а чего так боится ваша дочь?

Варвара Михайловна вздрогнула и уставилась на него круглыми глазами:

– Простите?!

– Ваша дочь Кира чего-то боится. Она выглядит как человек на грани нервного срыва. Простите, это, конечно, не мое дело, но вы сами сказали...

– Что я такого сказала? – Домработница выпрямилась, будто готовясь к обороне.

– Вы сказали, что со мной вы будете в безопасности, – мягко произнес ветеринар. – В безопасности *от чего?*

Пожилая дама стрельнула глазами в сторону внука, облизала губы и тихо, но твердо произнесла:

– Я вас не понимаю, Глеб Аркадьевич. Кстати, мы уже приехали.

– Ну-ну, – покивал ветеринар. – В таком случае прошу на выход.

Он отключил сигнализацию, открыл клинику и прошелся по комнатам, включая повсюду свет. Алеша ходил следом с котом на руках, зачарованно глядя по сторонам. Аппарат УЗИ совершенно заморозил мальчика. Пока Звоницкий водил датчиком по впалому животу котенка, Алеша, раскрыв рот, следил за изображением на мониторе. Глеб Аркадьевич искоса поглядывал на внука домработницы. До чего же красивый ребенок, копия матери. Интересно, а отец у этого мальчика есть? Он никогда не слышал, чтобы Варвара Михайловна упоминала о зяте. Иногда, в благодушном расположении духа, Звоницкий был не прочь выслушать какую-нибудь историю из жизни своей домработницы. Чаще всего она рассказывала про Алешеньку, но никакой другой мужчина ни разу не упоминался.

– А это что? – поинтересовался мальчик, показывая на размытые тени на экране.

– Это? Внутренности твоего кота. Смотри, вот это мочевой пузырь, – принялся пояснять Глеб. – Видно воспаление, поэтому твой Зайчик и болен. Мы поколем антибиотики, и все будет просто замечательно.

– Здо-о-рово! – восхищенно протянул Алеша. – Вы каждого зверя можете спасти? Как доктор Айболит, да? «Приходи к нему лечиться и корова, и волчица, и жучок, и червячок, и медведица!» – процитировал на память умный дошкольник.

– Знаешь, медведиц лечить мне еще не приходилось, – улыбнувшись, признался Звоницкий. – И за лечение червяка я бы тоже не взялся. А так – да, любому зверю помогу, хотя бы попытаюсь помочь.

– Наверное, ваша профессия – самая интересная и... это, благородная на свете! – с задумчивым видом проговорил Алеша.

– Ты тоже можешь стать ветеринаром, когда вырастешь, – погладил его по голове Глеб Аркадьевич.

– Не могу, – совершенно по-взрослому вздохнул мальчик. – Я должен стать суперагентом.

– Кем-кем? – удивился ветеринар.

– Суперагентом, – повторил Алеша. – Как мой папа.

Звоницкий покосился в проем двери. Варвара Михайловна сидела на стуле в приемной, закрыв глаза. Вид у домработницы был предельно усталый. Глеб Аркадьевич ощутил укол стыда, но все-таки не удержался и спросил:

– А где сейчас твой папа?

Глаза мальчика вспыхнули, худенькие руки сжались в кулачки.

– Никто этого не знает, – важно произнес он. – Мой папа – агент специального назначения. Он давно с нами не живет, потому что находится на важном задании.

– Понятно, – пробормотал Звоницкий, которому как раз ничего не было понятно – то ли ребенок сам выдумал эту чушь, то ли повторяет историю, рассказанную взрослыми, точнее, воспитывавшими его женщинами. В детстве у Глеба был друг Костик, так вот его мамаша – одинокая кондукторша трамвая – убедила сына в том, что его папка космонавт, и только напряженные тренировки в Звездном городке не позволяют ему приехать к сыну. Костик искренне верил в эту ерунду класса до пятого и регулярно дрался, когда недоставало терпения переносить насмешки сверстников. Маленький Звоницкий уже тогда понимал, что история с папой-космонавтом не слишком правдоподобна, но, сочувствуя другу, честно дрался на его стороне. И вот теперь этот хорошенький мальчик доверчиво излагает историю, объясняющую, почему у него нет отца. У всех есть, а у маленького Алеша нет. Звоницкий сжал зубы. Красавица Кира могла бы придумать что-нибудь более похожее на правду.

– Ну что, вы закончили? Мы можем ехать? Время позднее, Алешеньке пора спать, – сказала Варвара Михайловна, появляясь в дверях.

Звоницкий вручил ей кота и принялся писать рекомендацию на бланке клиники.

– Вот это лекарство я вам дам, будете колоть четыре раза в день внутримышечно. А это витамины, уколете под кожу. Оттянуть шкуру на холке, ввести препарат... – Он вдруг осекся и удивленно посмотрел на домработницу: – В чем дело?

– Глеб Аркадьевич, но мы не можем... – растерянно заморгала та глазами. – Я целый день провожу у вас... то есть на работе. А больше делать уколы некому.

– А как же ваша дочь? – поинтересовался Звоницкий, роясь в аптечке в поисках физраствора.

– Танечка работает по ночам, а днем спит. А девочки, ее дочки, еще слишком малы, – пролепетала Варвара Михайловна.

– Я говорю о Кире, – уточнил Глеб, вручая пакет с лекарствами растерянной женщине.

– Да что вы, Кира не умеет делать уколы! Она так боится крови, что может упасть в обморок! – воскликнула домработница. – Когда Алеше делали прививку, пришлось дать ей понюхать нашатырный спирт. С тех пор всегда я вожу мальчика к врачу.

– Замечательно, – вздохнул ветеринар. – А приехать в клинику Кира, надеюсь, сможет? Тут две остановки на маршрутке.

– Моя дочь не любит выходить из дому. У нее слабое здоровье, – потупившись, тихо проговорила Варвара Михайловна.

Звоницкий с изумлением посмотрел на пожилую даму и, вздохнув, произнес:

– Так и быть. Беру вашего Зайчика в стационар. Дней пять он пробудет в клинике, потом сможете его забрать.

– Ах, Глеб Аркадьевич, дорогой, как мне вас благодарить! – всплеснула она руками.

– Скажите «спасибо», этого вполне достаточно, – довольно холодно ответил ветеринар. Он уже был сыт по горло проблемами домработницы. Время приближалось к одиннадцати, завтра его ждал долгий и трудный рабочий день, а вместо тихого вечера в домашнем кругу он получил раздражающую суету и бестолковые поездки туда-сюда! Ему еще предстояло отвезти пожилую даму и мальчика домой. Но больше всего Глеб злился на красавицу Киру. Он терпеть не мог беспомощных женщин. Все подруги Звоницкого были самостоятельными и вполне успешными в профессиональном плане. А молодая женщина, которая боится выйти из дому и падает в обморок при виде капельки крови, – это уже чересчур! Просто удивительно, как у энергичной Варвары Михайловны выросла такая беспомощная кукла!

Звоницкий открыл комнату, где у него помещался стационар, и осторожно положил котенка в бокс. Зайчик был вялым, сразу свернулся в клубок и заснул. Глеб поставил ему поилку со свежей водой и насыпал немного корма премиум-класса. Пусть поправляется.

– Глеб Аркадьевич, вам нет нужды беспокоиться, – забормотала домработница. – Мы с Алешей вполне можем доехать на такси.

– Я вас отвезу, как и обещал, – отрезал ветеринар. – Прошу в машину.

Алеша послушно забрался в «Паджеро». Глеба приятно удивило, что ребенок не стал капризничать и требовать, чтобы его не разлучали с Зайчиком. Послушный, тихий, хорошо воспитанный мальчик. Уже в этом нежном возрасте понятно, что Алеша – тюфяк и тряпка. Чуть что, глаза на мокром месте. Еще бы, с такой-то мамочкой! Звоницкий искренне считал, что нормальный пацан должен уметь драться, заниматься каким-нибудь видом спорта, желательно командным, или «мочить» компьютерных монстров. А по Алеше видно, что если его и отдадут куда-то, то наверняка в балет или в художественную гимнастику. Загубят они парня...

Тут Глеб одернул себя, напомнив, что судьба Алеши не должна его волновать. У ребенка есть бабушка, и мать имеется. А дело Звоницкого – вылечить кота по кличке Зайчик и забыть эту историю как можно скорее.

Он крутил руль и слушал, как на заднем сиденье бабушка распекает внука за излишнее любопытство и лишние вопросы.

– Не забывай, кто твои предки, Алексей!

– Варвара Михайловна, если не секрет, просветите меня относительно вашей родословной, – неожиданно заинтересовался Звоницкий. Его домработница всегда вела себя с достоинством императрицы в изгнании, а теперь, оказывается, она и в самом деле знатного рода.

Домработница смутилась, но тут же выпрямилась на сиденье и величаво кивнула:

– Мы ведем свой род от графа Костомарова. Просьба не путать его с другим Костомаровым, другом революционного демократа Чернышевского.

Глеб восхищенно присвистнул. Среди его предков никаких графов не наблюдалось.

– Это с отцовской стороны, – с достоинством продолжала пожилая дама, – а с материнской у нас в роду князя Баскаковы.

– Первый был воеводой у царя Ивана Грозного! – похвастался Алеша. – А кто такие баскаки, знаете? Это которые собирали дань для Золотой Орды. Вы знаете про Золотую Орду?

– В общих чертах, – хмыкнул Глеб Аркадьевич.

В следующую минуту ветеринар резко нажал на тормоз, но, видимо, все-таки недостаточно резко, потому что о капот его машины с размаху ударился человек. Глеб непроизвольно выругался. За все время вождения ни единой аварии, и вдруг такое!..

– Не останавливайтесь! – взвизгнула домработница. – Глеб Аркадьевич, гоните!

Тяжелый «Паджеро» по инерции проехал еще метра два и замер. Звоницкий заглушил мотор. Лобовое стекло уцелело, только от удара сами собой включились «дворники» и теперь с тихим шорохом елозили по стеклу. Он бросил взгляд в зеркало заднего вида. На улице было так темно, что невозможно рассмотреть тело на асфальте.

– Все целы? – оглянувшись, спросил Глеб.

С заднего сиденья на него смотрели мертвенно-бледные лица Варвары Михайловны и Алеши. Мальчик тихонько икал, и выражение его глаз очень не понравилось ветеринару. А уж то, что выкрикнула его бабушка, и подавно. Что значит – гоните?! Скрыться с места происшествия, бросить без помощи сбитого пешехода – нет, Звоницкий на такое не способен.

– Послушайте, давайте поскорее уедем! – попросила домработница, прижимая к себе ребенка.

– Я должен посмотреть, – решительно открыл дверцу Глеб.

– Глеб Аркадьевич, вы очень об этом пожалеете! – мрачно проговорила Варвара Михайловна. – Поверьте мне, лучше было бы немедленно уехать.

Пронзительный крик Алеши разорвал ночную тишину. Звоницкий обернулся – через лобовое стекло на ветеринара смотрел его воплощенный в реальность кошмар – террорист, точно такой, каких показывают по телевизору в репортажах из «горячих точек». Затянутый в камуфляж с головы до пят, в берцах и шапочке-«балаклаве». Перед глазами Глеба мелькнуло дуло пистолета... Хотя, возможно, это ему померещилось со страху.

Семь лет назад Глеб Звоницкий едва не погиб при взрыве. Расследование показало, что машину, наштапованную гексогеном, подогнал к зданию прокуратуры именно такой вот человек. Точнее, так он выглядел на фотографиях в период обучения в Афганистане. А на записях камеры наружного наблюдения это был обычный, ничем не примечательный мужик в потрепанной «олимпийке» и трениках. Звоницкому потом часто снилось его лицо, хотя к моменту, когда Глеб Аркадьевич смог хоть что-то видеть, его убийца был уже полгода как мертв.

Террорист ловко вспрыгнул на капот и замахнулся. Первый удар в лобовое стекло оставил на нем царапину, и только. Звоницкий отчаянно пожалел, что не обзавелся огнестрельным оружием. В багажнике у него лежала бейсбольная бита – на всякий случай, от дураков на дорогах, – но сейчас она вряд ли могла помочь.

Человек в камуфляже замахнулся для повторного удара, и Глеб повернул ключ в замке зажигания. Он был опытным водителем, любил скорость, а уж умение разогнаться с места считал одним из своих талантов, заставляя свой «Паджеро» показывать все, на что тот способен. Вот и сейчас автомобиль рванул вперед, а нападавший замахал руками, пытаясь удержать равновесие, не удержал и кувыркнулся вбок, исчезая из виду.

– Гоните! – пронзительно закричала Варвара Михайловна.

На этот раз Глеб послушался, «Паджеро» резко прибавил скорость, завернул за угол. Дверца захлопнулась на ходу. Потом еще поворот и еще... Он опомнился только в нескольких километрах от места происшествия и посмотрел назад, но никто за ним не гнался – дорога была пуста, только синхронно мигали светофоры. Кажется, Глеб пару раз проскочил на красный свет...

– Варвара Михайловна, что происходит? – обернулся он к домработнице.

Госпожа Костомарова передернула плечами и холодно проговорила:

– Не понимаю, о чем вы, Глеб Аркадьевич.

– Перестаньте притворяться! – вскипел Глеб. – Что вы идиота из меня делаете?! Я же вижу – вы знаете, что это было. Знаете, кто на нас напал! Тут не Чечня, и сейчас не девяносто четвертый год! Бородатые дяди в берцах с огнестрельным оружием наперевес просто так на капот не прыгают. Я – обычный ветеринарный врач, никаких дел из прошлого за мной не

тянется. Все свои долги я давным-давно раздал! Получается, дело в вас, уважаемая Варвара Михайловна!

Домработница холодно смотрела на Глеба, и он поразился, как долго заблуждался насчет этой женщины. Куда исчезла уютная старушка, что пекла потрясающие плюшки и пыталась устроить его личную жизнь! Сейчас перед ним была хладнокровная немолодая женщина, которая участвовала в каких-то опасных играх. И она совершенно не собиралась что-либо объяснять.

Глеб стиснул зубы, пытаясь успокоиться. Нужно как можно скорее разобраться в том, что происходит. Он вытрясет информацию из милейшей Варвары Михайловны, чего бы это ни стоило.

– Послушайте, – едва сдерживаясь, чтобы не заорать, рассудительно проговорил он, – ведь вы же знали, что произойдет нечто экстраординарное. Вы сказали Кире, что со мной вы в безопасности, но не пожелали объяснить мне, что же нам угрожает. Ваша дочь тоже в курсе, верно? Теперь я понимаю причину ее нервного состояния.

Домработница упрямо молчала.

– Итак, какой-то человек – судя по всему, чрезвычайно опасный тип – охотится за вами. Скорее всего следит, куда вы направляетесь. Он выследил машину и симитировал ДТП, чтобы заставить меня остановиться. Еще минута – и я бы вышел посмотреть, что случилось с пешеходом, сильно ли он пострадал. Но наш террорист не дождался и начал действовать – прыгнул на капот и попытался разбить стекло. Каким-то чудом мне удалось сбросить его и уехать. Осталось совсем немного – расскажите мне, что за хрень тут творится?!

– Бабушка, он сказал «хрень»! – звонко сообщил Алеша.

Глеб совершенно забыл о его присутствии. Мальчик выглядел куда лучше, чем можно было предположить. Он уже оправился от пережитого страха и с детской непосредственностью повторял новое слово.

Госпожа Костомарова молчала. Ни малейшего желания общаться Звоницкий на ее лице не прочел, поэтому завел мотор и решительно заявил:

– Вот что, милейшая Варвара Михайловна! Я в такие игры не играю, уж извините. Сейчас мы с вами прокатимся до ближайшего отделения полиции и там чистосердечно сообщим, что с нами случилось. Уверен, правоохранные органы заинтересуются тем типом, что напал на нас. Да и мне будет спокойнее, если я буду знать, что вооруженные амбалы в камуфляже не бегают по улицам без присмотра...

Домработница распахнула дверцу, проворно выбралась из машины и вытащила за руку мальчика, который растерянно моргал, не понимая, что происходит.

– Пойдем, Алешенька, пойдем, маленький! Сейчас вызовем такси, тебе давно пора в постельку...

– Что вы делаете?! – вскипел Звоницкий. – Вы что же, вот так просто уедете? Выпьете чаю и ляжете спать?!

Он с некоторым трудом вылез из машины и огляделся, ожидая, что из придорожных кустов выскочит фигура в камуфляже. Но улица была пуста, горели фонари, сонно перемигивались светофоры.

– Никакой полиции! – отчеканила госпожа Костомарова. И вдруг дотронулась до руки ветеринара. На мгновение ее лицо стало почти прежним – голубые глаза взглянули на Звоницкого с сочувствием: – Глеб Аркадьевич, дорогой, прошу вас, не ввязывайтесь в то, что вас совершенно не касается. Берегите себя... Если вам дороги наши жизни – моя и Алешенькина... И ваша, кстати, тоже... Так вот, в таком случае – никакой полиции! – Она покопалась в своей объемистой сумке и вытащила телефон – вполне навороченную модель, Звоницкий сам подарил ей эту игрушку на день рождения. – Не провожайте нас. Мы доберемся домой самостоятельно! – деловито бросила Глебу Варвара Михайловна, вызывая такси.

Вскоре в конце улицы показались оранжевые огоньки такси, и домработница повернулась к Звоницкому:

– Мы чрезвычайно благодарны вам за заботу, Глеб Аркадьевич... Но я попрошу вас немедленно забыть наш адрес и более никогда не приезжать к нам домой.

– Да я и не собирался, – растерянно буркнул Глеб. Что творится на свете?!

Алеша снизу вверх смотрел на ветеринара и застенчиво ковырял асфальт носком сандалика.

– И, разумеется, попрошу никому наш адрес не сообщать, – жестко закончила домработница. – Вы понимаете?

– Само собой, – пробормотал Глеб, окончательно запутавшись. Нормальная, привычная, размеренная, временами даже не лишенная приятности жизнь неожиданно закончилась. Вместо этого он вдруг оказался в центре триллера... Интересно, его пожилая домработница – бывший сотрудник спецслужб? Мата Хари на пенсии?

Тут госпожа Костомарова деловито сообщила:

– И, кстати, Глеб Аркадьевич... С завтрашнего дня я беру отпуск. Насколько я помню, в нашем с вами контракте есть пункт, по которому мне полагается оплачиваемый отпуск раз в год. Я работаю у вас вот уже почти шесть лет и за это время ни разу не воспользовалась этим правом. Так что, если вы не возражаете, завтра я к вам не приду. Ведь вы не возражаете?

Звоницкий с глупым видом кивнул. Да, действительно, домработницу он нанял через агентство, и в договоре, который они подписали, действительно что-то такое было... Но за все годы пожилая дама ни разу даже не заикнулась об отпуске!

Между тем подъехало такси. Глеб смотрел, как госпожа Костомарова с внуком усаживаются в машину. Алеша помахал ему ладошкой, и он вяло махнул в ответ.

– До свидания. Берегите себя, – царственно кивнув, произнесла на прощание Варвара Михайловна.

И такси скрылось в переулке. Звоницкий забрался в свой автомобиль и кое-как доехал до дома. Поставив машину на парковку, стал осматривать повреждения, нанесенные нападавшим. Оказалось, потери не так уж велики – царапина на капоте и небольшая трещина на лобовом стекле. Неприятно, но могло быть гораздо хуже. Интересно, у того типа и в самом деле был пистолет или Звоницкому это только померещилось от нервов?

Дом встретил Глеба Аркадьевича теплым светом настольной лампы и уютным тиканьем часов. Разобранный будильник все так же лежал на столе, но сейчас у ветеринара не было ни малейшей охоты копаться в железных внутренностях. Вместо этого он заварил себе крепкого чая и уселся поразмышлять.

Итак, его милейшая домработница, пожилая дама с белоснежными кудряшками и ямочками на пухлых щеках, раскрылась с неожиданной стороны. Вариантов два – либо старушка влипла в неприятности очень крупного масштаба... либо она не та, за кого себя выдает. Даже непонятно, какой из вариантов *хуже*.

Немного успокоившись, Звоницкий вспомнил кое-что интересное. Если бы события не сменяли друг друга с такой быстротой, он бы догадался и раньше. Дело в том, что квартира Костомаровых в новостройке выглядела не вполне обжитой. Глеб успел неплохо изучить домработницу. Не верится, что аккуратистка и чистюля оставила по углам чемоданы и узлы с какими-то вещами. Женщина, которая каждую поверхность в его доме полировала до блеска, не допустит невымытых стекол. Обращало на себя внимание отсутствие уюта... Итак, делаем вывод – семейка Костомаровых вселилась в эту квартиру недавно.

Интересно, что Глеб впервые заинтересовался, где живет добрейшая Варвара Михайловна. Каждое утро пожилая дама появлялась на пороге его квартиры со своей объемистой старомодной сумкой и сообщала, что на улице необычайно жарко или страшный гололед, гроза либо снегопад... а вечером исчезала. По отрывочным репликам Звоницкий понял, что она

проезжает несколько остановок на автобусе, а вот метро, к примеру, дама не упоминала ни разу.

Почему Варвара Михайловна не захотела, чтобы Глеб отвез ее с внуком домой? Ведь опасность была уже позади... Вывод напрашивался сам собой – Костомарова боялась, что за машиной Глеба будут следить, и считала, что на такси безопаснее. Кстати, она неохотно отнеслась к визиту ветеринара в свое жилище и согласилась скорее от растерянности. Значит, Варвара Михайловна кого-то боится. Что ж, Звоницкий ее прекрасно понимал: если этот кто-то – крепкий мужик в камуфляже и, возможно, с оружием, Глеб Аркадьевич тоже предпочел бы с ним не встречаться... И прекрасная Кира, дочь домработницы, изрядно напугана, а бедный Алеша вообще дрожал, как заячий хвостик...

Однако как она его отшила! «Поберегите себя!» Другими словами, не лезьте не в свое дело... Ну и ладно. Варвара Михайловна – взрослый человек, а он, Звоницкий, вовсе не рыцарь Галахад, защитник прекрасных дам. Чужие проблемы его не касаются, у него и своих достаточно.

Он больше не сотрудник прокуратуры, а просто ветеринар. У него проблемы со здоровьем, пустота на личном фронте и обожаемая клиника... Позвольте, в клинике остался Зайчик! Котенок породы девон-рекс. А значит, его связь с семейкой Костомаровых еще не разорвана!

Глава 2

Глеб Аркадьевич не ошибся – ровно через пять дней дверь его клиники распахнулась, и на пороге возникла Кира Костомарова в сопровождении маленького сына. Жаркий августовский день клонился к вечеру, но в клинике у Глеба было многолюдно. Многокошечно, многособачно – в общем, *многопациентно*. Первой в очереди сидела пожилая худенькая дама с ярко-голубыми кудряшками и попугаем в клетке. Попугай этот был Звоницкому хорошо знаком – за те два года, что просуществовала его клиника, Кеша и его хозяйка Ольга Дмитриевна являлись на прием приблизительно раз в неделю, а то и чаще. Глеб Аркадьевич устал повторять, что попугай совершенно здоров, а линяет по причине почтенного возраста и авитаминоза. Пенсионерке был не по карману дорогой корм, и Кеша питался всякой ерундой типа «геркулеса». Но раз уж Иннокентий дожил до своих лет на этой скудной диете, ветеринар не видел смысла что-нибудь менять – вдруг это повредит птице? Поэтому Звоницкий вместо «таблеточек», какие просила старушка, вручал хозяйке попугая упаковку витаминов и вежливо выпроваживал восояси. Это было проще, чем терпеть долгие задушевные разговоры, на которые и старушка, и ее попугай были большие мастера.

Следом за попугаем приема ожидала овчарка. Хозяйка, невысокая крепкая девушка с пирсингом на губе, нервничала и с тоской поглядывала на ветеринара. Собака неподвижно лежала на расстеленном брезенте и вяло помахивала хвостом. Глеб Аркадьевич как раз собирался пригласить обеих в кабинет, когда в клинику вошла Кира.

Молодая женщина остановилась на пороге, растерянно озираясь. Как всегда, Кира выглядела трогательно беспомощной – хотелось немедленно броситься к ней, подстелить под ноги ковер, накинуть на плечи свой пиджак и вообще защитить от опасностей этого мира. Звоницкий поймал себя на том, что смотрит на посетительницу с идиотской улыбкой. Он одернул себя, сделал строгое лицо и поздоровался.

– Мы пришли забрать Зайчика! – сообщил Алеша, зачарованно разглядывая попугая, который устрашающе щелкал клювом.

– Да, Глеб Аркадьевич, если вы не возражаете, – хрустальным голосом подтвердила Кира.

Из смотровой выглянула Яна Казимилова, ассистентка Звоницкого. Помощница была сторонницей всяческих экспериментов над собственной внешностью. Удивительно некрасивая девушка, но ничуть не комплексовала по этому поводу, наоборот, обожала шокировать окружающих. Сегодня она явилась на работу в кожаной куртке с шипами на плечах и сапогах-казаках. Естественно, в клинике ассистентка носила форму с логотипом на спине, но все равно ярко-рыжие волосы, собранные в пучок на макушке, а также свисающий из уха клык на цепочке заставили Киру с опаской поглядывать на странную девушку. Только Звоницкий знал, что Яна – добрый, отзывчивый человек, обожающий животных, а весь этот агрессивный антураж нужен ей для защиты, примерно как розе шипы.

– Давайте я оформлю выдачу котенка! – предложила Казимилова.

– Нет-нет, спасибо, я сам, – поспешно проговорил Глеб.

Очередь заволновалась. Девушка с овчаркой приподнялась с места и угрожающе сообщила:

– Между прочим, мы ждем уже тридцать пять минут! Моей собаке требуется помощь. Вот я сейчас вызову такси и поеду в другую клинику...

– Позвольте! – оскорбленно заметила Ольга Дмитриевна, хозяйка попугая. – Сейчас наша очередь! Кеша не может ждать бесконечно!

Гигантский, желтоватый от старости ара жутко скрежетнул клювом по прутьям клетки и сообщил:

– Кр-расного от борта в угол! Шмары, шмары! Дубль зер-р-ро!

Биография у попугая была захватывающая – в лихие девяностые птица успела «поработать» в бильярдной, потом украшала собой казино, а после закрытия продолжила свою «карьеру» в каком-то сомнительном профилактории. Иногда Кеша вгонял ветеринара в краску, настолько тому было стыдно перед пациентами за специфический лексикон птички.

В приемной назревал конфликт. Другие хозяева четвероногих пациентов тоже не остались безучастными и принялись выяснять, кто за кем занимал и кто дольше ждет.

Иногда Звоницкий жалел, что его клиника – единственная в этом районе. Особенно во время наплыва пациентов, который традиционно случался в воскресенье вечером и в понедельник с утра – когда хозяева привозили с дач или из загородных поездов своих питомцев, ужаленных пчелами, укушенных клещами, пожевавших симпатичной на вид травки и застывших ушки у воды. Но Глеб Аркадьевич прогнал малодушные мысли и в очередной раз порадовался тому, насколько удачно выбрал место для клиники. Он нужен людям (и зверям, естественно), он востребован и успешен... Да и деньги в наши кризисные, непростые времена на дороге не валяются. Так что будем работать!

– Минуту внимания! – попросил Звоницкий. Как всегда, его негромкий, но звучный голос погасил конфликт в зародыше. Когда все замолчали и уставились на двухметровую фигуру ветеринара, он все так же негромко продолжил: – Спасибо. Не волнуйтесь, я приму всех. Наша клиника работает до последнего пациента. Первой я приму девушку с овчаркой. Проходите в смотровую, располагайтесь. Яна, проводите, пожалуйста!

Затем он обернулся к старушке с попугаем:

– Уважаемая Ольга Дмитриевна, я попрошу вас немного подождать. Вы наш старейший и самый уважаемый клиент, и мне бы не хотелось принимать вас, так сказать, на бегу, второпях. У девушки экстренная ситуация, а вы ведь располагаете временем?

Старушка довольно кивнула и обвела приемную торжествующим взглядом. Собственно, Ольга Дмитриевна приходила в клинику именно за тем, чтобы пообщаться – дома одинокой пенсионерке было не с кем перекинуться словом, если не считать попугая с его специфическим словарным запасом. Так что старушку вполне устраивало ожидание.

Девушка с пирсингом подхватила свою собаку на руки и понесла в смотровую. Яна Казимиrowa уже готовила для животного стол. Ольга Дмитриевна немедленно вступила в оживленную перепалку с хозяйкой персидского кота – дескать, тот нервирует Иннокентия, нельзя ли отодвинуться подальше... А Глеб Аркадьевич смог наконец уделить время госте.

– Проходите вот сюда, – гостеприимно предложил он, открывая дверь в помещение, где у него располагались изолированные боксы. В одном из них свернулся клубком выздоровевший девон-рекс.

– Зайчик! – завопил Алеша, протягивая руки к котенку. Тот немедленно проснулся и ткнулся розовым носом в сетку.

– Мы, кажется, не вовремя? – смутилась Кира. – У вас столько пациентов...

– А, ничего особенного, обычный день! – отмахнулся Глеб.

Он открыл бокс, извлек Зайчика и вручил дрожащему от волнения Алеше. Тот прижал котенка к животу и поинтересовался:

– Он теперь здоров? Совсем-совсем?

– Здоров, как бизон! – подтвердил ветеринар. – Береги его от сквозняков, и все будет нормально. А если вдруг опять заболит, сразу ко мне. Понял?

Алеша кивнул, снизу вверх глядя на Звоницкого. Глаза у мальчика были материнские – синие, с потрясающими ресницами, сказочно красивые.

– Как там Варвара Михайловна? – спросил Глеб нарочито безразличным тоном.

– Благодарю, мама в полном порядке, – едва заметно усмехнулась Кира. – Наслаждается отпуском. Так мило с вашей стороны, что вы дали ей отдохнуть! Мама уже пять лет не была в отпуске и очень в нем нуждается.

Звоницкий закашлялся, пытаясь скрыть замешательство. Оказывается, это он благородно предложил домработнице немножко отдохнуть? Ну-ну, похоже, милейшая госпожа Костомарова не вполне откровенна с собственной дочерью...

Кстати, интересная деталь – Кира то и дело теребит сережку, симпатичная такая штучка с камешком, стоимость которого равна заработной плате домработницы примерно за год. И костюмчик на Кире элегантный, дорогой, и сумочка фирменная... Вообще-то Глеб не привык подмечать, во что одеты женщины, и тем более оценивать стоимость их украшений. Просто он хорошо изучил скромный гардероб Варвары Михайловны – тяжелое старомодное зимнее пальто, весенне-осенний плащик, добротные, но далеко не новые туфли, старую сумку... Насколько Глеб понимал, Кира нигде не работает, семью содержит Варвара Михайловна. Ну, и что все это значит?

«Старина, ты определись, что тебе надо! – одернул он себя. – Разгадать загадку домработницы или все-таки наладить отношения с ее прелестной дочерью?»

– Мы вам так благодарны! – промолвила Кира и попятилась к двери.

Звоницкий ощутил укол разочарования. Вот сейчас эта невероятно красивая молодая женщина выйдет за порог его клиники, и они скорее всего больше никогда не увидятся, разве что столкнутся у метро... Нет, Глеб не мог такого допустить!

– Кира, послушайте... Я понимаю, что мое предложение покажется вам странным... Но как вы смотрите на то, чтобы сходить со мной куда-нибудь поужинать? К примеру, неподалеку есть неплохой ресторан, называется «Маджонг». Не бывали там?

Кира растерянно заморгала и со страхом посмотрела на Глеба. Он почувствовал себя как порочный десятиклассник, соблазняющий пионерку. В чем дело? Неужели он, Глеб Звоницкий, такой урод? Да, действительно, после взрыва его лицо покрыто сеткой шрамов... Но ведь прошло уже семь лет, и почти ничего незаметно! Конечно, он прихрамывает, но в последнее время научился обходиться без палки. И разница в возрасте у них с Кирой не такая уж большая. Ему всего сорок восемь, а Кире Костомаровой тридцать с хвостиком. Правда, как все стройные блондинки, женщина кажется моложе. Но все-таки странно, у нее шестилетний сын, а ведет себя как тургеневская барышня! Глеб неожиданно развеселился. В роли соблазнителя он бывал нечасто – обычно ему приходилось вежливо, но твердо отклонять претензии одиноких дам «бальзаковского возраста».

– Ну так что? Рискнете? – спросил он. – Я всего лишь приглашаю вас в ресторан по соседству. Не понравится – уйдете, слово джентльмена.

– Хорошо! – все так же испуганно пролепетала Кира. – Если вы настаиваете...

Глебу показалось, что она согласилась на свидание с ним исключительно из чувства страха. Ну и ну!

– Ты мне мороженое обещала, – дернул мать за руку Алеша. – Помнишь? А Зайчику можно мороженое, раз уж он выздоровел, а?

Она вздрогнула и отвела взгляд.

– Нет, Зайчику мороженого лучше не давать, – улыбнулся Глеб. – Пойдемте, я вас провожу. Простите, меня ждут пациенты...

Кира засмушалась, точно школьница, и заторопилась к двери.

– Так как насчет сегодняшнего вечера? – уточнил Звоницкий. – Давайте так – я заеду за вами в половине девятого... Кстати, можно ваш номер телефона? Чтобы не тревожить Варвару Михайловну...

– Во сколько? – растерянно переспросила Кира. – Так поздно? А пораньше нельзя?

– Конечно, можно устроить и утренник... Но давайте все-таки встретимся вечером. Хорошо, я заеду в половине восьмого. Договорились? – продолжал настаивать Глеб.

Молодая женщина неуверенно кивнула, сообщила ему номер своего мобильного и вышла, ведя за руку сына.

За то время, пока Глеб беседовал с Кирой, его ассистентка успела сделать все необходимое – провела первичный осмотр и даже предварительный диагноз поставила.

– Глеб Аркадьевич, – склонившись над карточкой, вполголоса сказала Яна Казимирова, – мне кажется, там непроходимость кишечника в нижнем отделе. Симптомы смазанные, но вы лучше сами посмотрите. Рентген я уже настроила.

Глеб вымыл руки и осмотрел собаку. Овчарка лежала на боку, тяжело дыша, и только вяло поводила хвостом. Язык обложен густым налетом, вывален из пасти. Температура повышенная – Яна уже измерила. Он принялся пальпировать живот овчарки и одновременно обратился к хозяйке:

– Расскажите, что случилось.

Девушка с пирсингом, хмуро уставившись на ветеринара, ответила:

– Никогда такого не было. Со вчерашнего вечера не ест, не пьет, играть не хочет, вялая.

– Стул был? – деловито поинтересовался Звоницкий. Девушка отрицательно мотнула головой. – А рвота?

Хозяйка мрачно кивнула.

– Вы совершенно напрасно ждали так долго, у вашей собаки непроходимость кишечника. Сейчас сделаем рентген, чтобы уточнить, но скорее всего придется ее прооперировать.

– Чего? – вскинулась хозяйка. – Зачем это? Это ж не какой-нибудь чихуа-хуа, нормальная рабочая собака! Я всегда овчарок держу, это уже третья. Все от старости помирали, без всяких операций.

– Если вашу собаку срочно не прооперировать, она погибнет в течение нескольких часов, – жестко произнес Звоницкий. – Решайте сами, дело ваше. Но без хирургического вмешательства надежды нет.

Вдвоем с Яной они перенесли овчарку на стол и настроили рентгеновский аппарат. Снимок делали в двух проекциях. Пока Глеб проявлял снимки, хозяйка гладила голову овчарки и что-то тихо приговаривала ей на ухо. А он тем временем выглянул в приемную и объявил:

– У меня экстренный пациент. К сожалению, освобожусь не раньше чем через полтора часа. Кто готов ждать – ждите. Кто торопится – телефоны клиник по соседству на стене у выхода.

Очередь недовольно загомонила, и Звоницкий в очередной раз пожалел, что не обзавелся вторым врачом. До недавнего времени они с Яной справлялись сами, но после ремонта и особенно после нескольких чрезвычайно удачных операций слава ветеринара Звоницкого опережала его возможности – клиника частенько работала и в выходные, обеденный перерыв пришлось отменить, и порой он выходил из клиники часа через два после закрытия.

Некоторые хозяева четвероногих больных похватали питомцев и гордо удалились к конкурентам. Другие вывели погулять – все лучше, чем сидеть в приемной. И только Ольга Дмитриевна со своим попугаем стойко сидела у двери смотровой.

Глеб вернулся к больному. Состояние овчарки ухудшалось, собака слабела на глазах, но рентген не показал ожидаемого. Звоницкий нахмурился. Он не любил хирургического вмешательства без точной диагностики. Есть хирурги, которым проще вскрыть пациента, а уж потом по ходу дела разобраться, в чем проблема. А Глеб Аркадьевич, хоть и был уверен в себе, но рисковать без нужды не собирался.

– Яна, уколи физраствор, – попросил он. – И противорвотное. Готовь барий. На снимке ничего не видно, – повернулся он к хозяйке овчарки, – будем делать повторный рентген, на этот раз с контрастным веществом.

Девушка с пирсингом оказалась хорошим помощником – она крепко держала собаку, пока Яна влиwała той в пасть раствор бария. Глеб сделал несколько снимков, и на этот раз картина прояснилась. Контрастное вещество позволило разглядеть препятствие – моток веревки. Как это псуна умудрилась проглотить столько?

– Яна, готовьте первую операционную.

Хозяйку выпроводили в приемную, и вскоре овчарка уже лежала на столе под наркозом.

Когда Звоницкий, закончив операцию, вышел в приемную, там сидели двое – девушка с пирсингом и стойкая, как мореный выдержанный дуб, Ольга Дмитриевна с попугаем.

– Ну что? – бросилась к нему девушка.

– Все в порядке, – успокоил ее ветеринар. – Часов шесть будет отходить от наркоза. Придется надеть ограничительный ошейник, чтобы не могла дотянуться до шва. Рекомендую на ночь оставить собаку у нас в клинике. Дежурство я обеспечу.

– Спасибо вам, – с чувством проговорила она. Глебу показалось, что на глазах у нее блеснули слезы. – Эта собака... в общем, это не просто собака, это память об отце.

Время приближалось к семи. Глеб позвонил Мише Ежикову – студент «ветеринарки» иногда подрабатывал в клинике. Миша был второкурсником, и поручить ему что-то серьезное Глеб, конечно, не решился бы. Но вот подежурить с послеоперационной собакой – это пожалуйста. Миша был приезжий и не упускал случая попрактиковаться, а заодно заработать лишнюю копейку. Звоницкий сочувствовал парню, выбравшему непростую профессию ветеринара, и неплохо оплачивал его услуги.

Миша пообещал приехать в клинику к закрытию – к восьми. А Глеб отправился на поиски ассистентки. Яна убирала операционную, складывала инструменты. Он откашлялся, готовясь к разговору.

Дело в том, что с Казимировой его связывали не совсем формальные отношения. Нет-нет, никаких амуров на работе Глеб себе не позволял. К тому же Яна была самой некрасивой из известных Звоницкому девушек. Но в прошлом году Глеб Аркадьевич оказался втянут в одну криминальную историю, и тогда Яна очень ему помогла. А несколько месяцев назад девушка едва не погибла, помогая Звоницкому в самостоятельном расследовании. И хотя Глеб не собирался затевать очередное «безобразие», его терзали смутные сомнения, что он – как всегда, против воли – уже втянут в неприятности и проблемы семейки Костомаровых.

– Яна, у меня к вам просьба, – наконец заговорил ветеринар, решив, так сказать, не тянуть ко́та за хвост.

– Ага, догадываюсь, – кивнула девушка, – хотите слинять пораньше и слиться в экстазе с этой вашей «орхидеей». А меня попросите закончить прием и закрыть клинику.

– Яна! – укоризненно покачал головой Глеб. – Что за странная манера выражаться!

– Вы же сами посоветовали мне что-нибудь почитать, – фыркнула Казимирова. – Для общего развития. Помню, вы еще сказали, что односторонний специалист подобен флюсу и что не стоит так заикливаться на работе.

– Вторая часть высказывания действительно принадлежит мне. А про флюс сказал, кажется, Козьма Прутков, – пробормотал Звоницкий и с интересом спросил: – Так что вы читали, Яна?

Ассистентка перестала складывать инструменты в кювету и возвела глаза к потолку:

– Во-первых, сестры Бронте. Кажется, их было три – Шарлота, Эмилия и... нет, не помню. Во-вторых, прочитала обалденную историю, «Мельмот-скиталец» называется. Готично! Потом решила, что это перебор и пора возвращаться к современной жизни. Немножко почитала Пелевина. Культовый автор, но меня не очень впечатлило. Гораздо больше понравилась история про то, как чуваки ловили белого кита – «Моби Дик» называется. Там был совершенно чокнутый капитан на деревянной ноге, у которого реально «крыша» поехала. Он решил, что этот каша-

лот, который ему ногу отгрыз, и есть мировое зло. И стоит его прикончить, все сразу станет чудненько... Шеф, что вы на меня так смотрите? Вы же сами выпустили джинна из бутылки!

Звоницкий благоразумно воздержался от комментариев по поводу бессистемного чтения девушки. Он и в самом деле упрекнул ассистентку, что ее кругозор крайне узок и что операционная его клиники и социальные сети – это еще не весь мир.

Сам виноват – нечего было брать на себя роль папаши, который воспитывает непослушную дочку... По возрасту Яна действительно годилась Глебу Аркадьевичу в дочери. Своих детей у Звоницкого не было, и теперь, когда ему приходила охота кого-нибудь повоспитывать, он отыгрывался на Казимировой. Девушка относилась к попыткам улучшить ее жизнь со здоровым юмором – примерно так же, как сам Глеб к поползновениям Варвары Михайловны наладить его личную жизнь.

– Ладно, Глеб Аркадьевич, идите уж! – махнула рукой Яна. – У вас на лице написано, как вам не терпится сменить обстановку. Только девушка ваша – очередная ошибка, ясно? Совершенно вам не подходит! Попомните мои слова, вы еще пожалеете, что связались с ней. – И она торжествующе ухмыльнулась. Надо сказать, что Казиминова частенько оказывалась права в том, что касалось «девушек» Глеба.

– Послушайте, Яна! – обиделся Звоницкий. – Что вы как Нострадамус – только плохое предсказываете. В вашем возрасте надо смотреть на жизнь более... э-э, позитивно. Берите пример с меня!

– Ага, щас, – ядовито протянула ассистентка. – В ваши годы розовые очки совсем не к лицу. Мой папа это называет «победа надежды над опытом».

– Так, с меня хватит! Я ухожу, – уже всерьез рассердился Глеб. – Увидимся завтра, как обычно.

– Скатертью дорожка! – огрызнулась вслед боссу девушка.

На пороге Глеб Аркадьевич обернулся. Он любил, чтобы последнее слово оставалось за ним:

– Кстати, я вовсе не собираюсь... «сливаться в экстазе», как вы выразились. С этой женщиной мы едва знакомы.

– Ха! Спорим, уже сегодня ваши самые смелые мечты того... сбудутся? – оживилась Казиминова, обожавшая разнообразные пари. – На что спорим, шеф? Хотите, поставлю мою машину против вашего сломанного будильника?

Звоницкий не унизился до ответа и покинул операционную с гордо поднятой головой.

Старушка с попугаем все так же сидела возле двери, только оба – и старая птица, и ее пожилая хозяйка – мирно дремали. Старушка клевала носом, а попугай сонно и нежно бормотал:

– Шмары, шмары... Конверр-р-тик с баблом... Евр-р-ро...

Глеб постарался как можно тише пробраться мимо пожилой дамы. Он знал, что Яна примет старушку, осмотрит Иннокентия, вручит очередную упаковку витаминов, и все будут довольны. Но времени на душевные разговоры у Звоницкого не было – его ждала Кира.

Ветеринар заехал домой переодеться – благо жил неподалеку от клиники, и в половине восьмого, как и обещал, подкатил к уже знакомой многоэтажке. Сережа в неизменной фуражке и с жезлом маячил в сумерках на тротуаре. Самозванный инспектор поприветствовал Звоницкого взмахом своей «волшебной палочки», и Глеб отсалютовал в ответ. Кажется, ему удалось наладить контакт с неподкупным инспектором – по крайней мере, Сережа больше не пытался тыкать в него жезлом.

Поднимаясь на лифте, Глеб чувствовал себя странно взволнованным – ну, совершенно как мальчишка. Кроме того, он не представлял, какими глазами посмотрит на него Варвара Михайловна. Хотя ему, в общем-то, наплевать, и он, и Кира – взрослые люди... А маленький Алеша? Что, если он примется плакать и просить маму не бросать его, а почитать сказку на

ночь? Звоницкий не выносил неловких ситуаций. Несмотря на двухметровый рост и брутальную внешность, несмотря на жизненный опыт, на все пережитое, Глеб Аркадьевич оставался в душе мягким и деликатным человеком. О чем неоднократно жалел.

Вопреки его опасениям, все прошло как нельзя лучше. Алеша не цеплялся с плачем за мамочку, а вышел проводить ее вежливым поцелуем. Кира погладила сына по волосам и велела ложиться спать вовремя. Варвара Михайловна вообще не вышла к гостю, чему Глеб был только рад.

Кира выглядела прекрасно – в чем-то белом, воздушном и летящем, и пахло от нее волшебным – нарциссами, что ли. Сев в машину, она поправила прическу и, повернувшись к Глебу, хрустальным голосом предложила:

– Ну что, сразу к тебе?

Звоницкий машинально завел мотор и тронул «Паджеро» с места. При этом ветеринар судорожно пытался сообразить, верно ли он расслышал прелестную Киру, или его слух сыграл с ним злую шутку, и на самом деле молодая женщина задала какой-то вполне невинный вопрос, а Глеб услышал то, что хотел услышать? Правильно ли он понял намерения Киры? Чтобы вот так, даже без первого свидания – такого с ним не бывало со времен студенческой юности!

Он затормозил перед своим домом и вопросительно взглянул на Киру. Та как ни в чем не бывало открыла дверцу и светским тоном произнесла:

– Какой у вас симпатичный дом! Какой этаж?

Пока лифт вез Звоницкого и его спутницу наверх, Глеб все поглядывал на Киру. А когда за ними захлопнулась дверь квартиры, она сразу расстегнула застёжки на плечах, и белое воздушное платье упало к ее ногам. Балансируя на высоких каблуках, Кира переступила через ткань, закинула прохладные руки Звоницкому на шею и, хрипло простонав: «Я так долго этого хотела!» – впиалась поцелуем в губы ветеринара...

Кира Костомарова необычайно удивила Глеба. При первой встрече она показалась ему запуганной, робкой, зажатой, с кучей комплексов и вообще слегка не в себе. Но в постели Кира оказалась совершенно другой – раскованной, свободной, вдобавок ненасытной и необычайно изобретательной. У Глеба был солидный опыт в этой области, но кое-какие фокусы удивили и его. На мгновение мелькнула мысль, что у Киры темное прошлое. Может быть, она профессионалка? А внешность хрупкой принцессы на грани взросления – просто изюминка? Да нет же, не может быть! Просто рядом с Глебом страстная молодая особа, которая изголодалась по любви, а влечение, которое они почувствовали друг к другу с первого взгляда, оказалось взаимным, вот и все...

Звоницкий с удовольствием оставил бы прекрасную гостью у себя до утра, но ровно через полтора часа в сумочке у Киры мелодично прозвонил телефонный таймер. Женщина томно потянулась, зевнула и сказала:

– Есть хочу, умираю! Поедем в этот твой ресторан, а потом ты подбросишь меня домой, – и удалилась в ванную.

Звоницкий немного полежал, раздумывая, как быть дальше. Он как-то не привык, чтобы дамы руководили им и указывали, что делать. С другой стороны, Кира права – у нее маленький ребенок, который ждет мамочку... Можно было бы соорудить ужин дома, но Глеб не рассчитывал на такой вариант и не позаботился о приобретении креветок, ананаса, клубники и прочих атрибутов романтического вечера. Не кормить же новоприобретенную любовницу разогретыми в микроволновке блинчиками с куриным фаршем!

Так что спустя всего полчаса Глеб и его спутница входили в вестибюль «Маджонга» – ресторанчика неподалеку, который Звоницкий очень любил.

Разноцветные фонарики, ротанговая мебель, удобная в такую жаркую пору, прудик с золотыми ленивыми карпами, уединение и полумрак, вкусная еда – чего еще желать человеку после трудового дня!

Они сделали заказ, официантка – маленькая бурятка, притворяющаяся японкой, в алой шелковой курточке и брючках – принесла минеральную воду и свечи. Глеб изредка поглядывал на Киру, и она приветливо улыбалась ему через стол, обращаясь к Глебу исключительно на «вы». Казалось, последние полтора часа начисто изгладились из ее памяти.

– Я бы выпила что-нибудь легкое, прохлаждающее, – проговорила Кира. – В такую погоду я плохо переношу алкоголь, да и вообще почти не пью.

Обсудили проблему глобального потепления и изменения климата. Звоницкий предложил выпить сливового вина. Наконец принесли заказ. Кира не очень умело пользовалась палочками для еды, стеснялась, потом рассмеялась и попросила принести вилку.

– Знаете, Глеб, я никак не привыкну к этой экзотике, – пожаловалась она. – Суши, экзотические фрукты... Не так давно мама купила дуриан, представляете? Хотела порадовать Алешу!

– Вы москвичка? – спросил Звоницкий.

– Ой, что вы, конечно же, нет! Мы всего четыре года назад приехали в столицу из Воронежа. Вы бывали там?

Обсудили Воронеж, где Глеб был как-то проездом. Кира так трогательно вздыхала, вспоминая родной город и реку Ворону.

– В Воронеже всегда чудесная погода! – совершенно серьезно заявила она, и Глеб не стал с ней спорить.

Он во все глаза разглядывал прелестное создание в белом платье. Перед ним сидела совершенно другая женщина – совсем не та, какой была всего лишь час назад. Сейчас она – робкое создание, требующее заботы и внимания, ждущее спутника, который станет ей той самой каменной стеной, за которой можно укрыться от бурь этого жестокого, слишком сложного мира... Ну и прекрасно! Слишком много в жизни Глеба было сильных и самостоятельных женщин. Может быть, он всю жизнь ждал именно такую – воздушную, неземную...

– Понимаете, Глеб, в столице совершенно другой ритм жизни, – тем временем продолжала Кира, – и я не могу к нему привыкнуть, представляете? Все эти четыре года никак не приспособлюсь... Как будто я умерла, и та, кто сейчас живет, не совсем я. Простите, я путано объясняю...

– Я вас понимаю, – хрипло сказал Звоницкий. – Дело в том, что в моей жизни тоже не так давно произошли... изменения. – И, неожиданно для самого себя он рассказал Кире историю со взрывом.

Молодая женщина ойкала, ахала, прикладывала ладошки к щекам и смотрела на Звоницкого огромными глазами, полными слез.

Никому и никогда Звоницкий не рассказывал, что случилось с ним семь лет назад. Об этом не знали ни Яна Казимирова, бессменная ассистентка Глеба и самый доверенный человек, ни Варвара Михайловна, работавшая у Звоницкого почти с момента его выхода из больницы, тем более никто из друзей и знакомых, окружавших ветеринара в его новой жизни. А тут – случайный секс, смутная улыбка – и пожалуйста, Глеб на блюдечке преподнес Кире Костомаровой свою главную тайну.

Ну и что? Он нисколько не сомневался – эта женщина начиная с сегодняшнего дня прочно вошла в его жизнь. Разумеется, она никогда не использует эту информацию ему во вред...

Чтобы сменить тему и немного развеселить Киру, Глеб заказал десерт и еще сливового вина – некрепкого и прохладного. Она извинилась, встала и удалилась в дамскую комнату. Пока ее не было, Глеб взглянул на часы. Ого, как незаметно летит время! Вскоре придется отвезти Киру домой. Ну что же, и без того сегодняшнее свидание превзошло самые смелые мечты! И это только начало!

На мгновение перед глазами мелькнула ехидная физиономия ассистентки, и насмешливый голос Яны Казимировой произнес: «Шеф, спорим, что уже сегодня ваши самые смелые

мечты сбудутся? Ставлю свою машину против вашего сломанного будильника...» Звоницкий отогнал непрошеное видение и бросил раздраженный взгляд на часы. Ну что Кира там копается? У них остается так мало времени, а макияж можно привести в порядок и дома...

Когда Кира не появилась и через сорок минут, он сообразил – что-то не так. Поднялся и прошел к дамской комнате. Из двери, на которой был нарисован веер, как раз выскользнула давешняя официантка в красной курточке и удивленно уставилась на Глеба. Он поймал девушку за рукав и поинтересовался:

– Простите, а где моя спутница?

Поднялся небольшой переполох. Выяснилось, что Киры Костомаровой в ресторане нет. При этом совершенно точно было известно, что женщина не покидала «Маджонг» ни через центральный вход (там скучали в машине двое охранников солидного господина в пиджаке, по виду депутата или средней руки чиновника), ни через служебный (там последний час возились с неисправным фонарем электрики). Когда Звоницкий в ярости пригрозил, что сейчас вызовет наряд полиции, официантка поманила его пальчиком и отвела в сторону.

– Слушайте, я могу объяснить, куда подевалась ваша спутница, – воровато стреляя глазками, сообщила она. – Пойдемте, я вам покажу. Только не поднимайте скандал, ладно? А то у нас будут неприятности.

Официантка завела Глеба в женский туалет и показала на небольшое окошко под потолком. Приоткрытая стеклянная фрамуга пропускала воздух, но пролезть в отверстие не могла бы и кошка. Или... или могла?

– Знаете, у нас тут уже не в первый раз девушки сбегают. Чаще всего студентки – пришли в кабак, хотели с кем-нибудь познакомиться, раскрутить на ужин и дармовую выпивку, а потом сделать «динамо».

– Что сделать? – поднял брови Глеб.

– «Динамо». Вы что, не знаете, что это такое? Когда девушка обещает, обещает, а потом сбегает... это... не отблагодарив.

Выражение «динамо» Звоницкий, конечно же, знал, вот только не слышал его со времен студенческой юности.

– Конечно, не каждая девушка в это окошко пролезет, – продолжала официантка, – а только очень стройная. Но ваша спутница как раз такая.

Глеб смерил взглядом окошко. Да, при известной ловкости, приложив массу усилий, в него могла протиснуться женщина. Но ведь для того, чтобы достать до окна, нужно сначала влезть на раковину, потом подтянуться. Он представил Киру – в белом платье, в босоножках на высоком каблуке... Бред какой-то! Зачем ей убегать таким экзотическим способом?! Каких-то пятнадцать минут, десерт и чашка кофе напоследок – и он сам отвез бы ее домой!

Глеб пригляделся, поднял руку и снял длинную белую нитку с фрамуги. Да, никаких сомнений – Кира Костомарова покинула «Маджонг» именно через это окно. «Динамо»... Бывает, конечно, «динамо» до секса – точнее, с целью его избежать. Но чтобы после?!

– А вы как, платить-то будете? – с некоторой тревогой спросила официантка.

– Само собой, – усмехнулся Глеб. – Плюс чаевые, не волнуйтесь. Только скажите мне – моя... подруга, перед тем как она исчезла, у нее телефончик случайно не звонил?

Официантка отрицательно покачала головой и вдруг оживилась:

– Знаете, а я ведь вспомнила! Когда ваша дама шла в туалет, у служебного входа терся какой-то мужчина. Она на него мельком так поглядела и ускорила шаг. Быстренько в туалет шмыгнула, и с тех пор ее никто не видел.

– Мужчина? – напрягся Звоницкий. – А как он выглядел?

– Да я не присматривалась, – пожалала плечиками официантка. – Заметила только, что у него борода. Черная такая. Ну как, не будете скандал поднимать?

– Не буду, – пообещал Глеб, оплатил счет, оставив девице щедрые чаевые, и покинул злополучный ресторан. Набрал номер Киры, но телефон молчал.

Напоследок Звоницкий расспросил и электриков, но те не смогли сказать ничего дельного. Мужчина лет сорока, спортивного телосложения, черная рубашка-поло, светлые брюки... Жарким августовским вечером так одета половина Москвы. Бороду они заметили, а более ничего примечательного во внешности мужика, который помаячил несколько минут у служебного входа, запомнить не смогли. Глеб поблагодарил работяг и под насмешливыми взглядами («Что, братан, не повезло? Бабы – они такие!») сел в свою машину.

Вернувшись домой, он попытался дозвониться Кире. Глеб Аркадьевич чувствовал себя полным идиотом. Бывало, что женщины бросали его, но никогда в такой унижительной форме. Он вспомнил, как тарасилась на него публика в ресторане, и стиснул зубы. Да, не скоро теперь Глеб сможет появиться в своем любимом «Маджонге»... В расстроенных чувствах он достал из бара бутылку коньяка – подарок благодарного пациента (вернее, его хозяина) – и остаток вечера потонул в розовом алкогольном тумане.

На следующее утро Звоницкий чувствовал себя старым и помятым. По дороге на работу он насвистывал сквозь зубы «На палубу вышел, сознания уж нет, в глазах у него помутилось». Яна всего разок глянула на бледное лицо шефа, на сведенные к переносице брови и не рискнула даже поинтересоваться, как прошел вечер.

Было всего восемь утра, но первые пациенты уже ждали приема. Глеб навестил вчерашнюю овчарку в боксе – после операции собака чувствовала себя вполне прилично. Он отпустил практиканта Мишу, который дежурил ночью в клинике, потом велел Яне обработать собаке швы и начал прием.

Как всегда, от работы настроение Звоницкого улучшилось. В который раз Глеб порадовался, что тогда, шесть лет назад, послушался внутреннего голоса и все-таки доучился на ветеринара, исполнив свою юношескую мечту.

Ближе к вечеру он окончательно оправился от вчерашнего поражения на любовном фронте и даже мог вспоминать о поразительном «динамо» не с раздражением, а с юмором. Правда, делиться подробностями с ассистенткой Звоницкий все-таки не стал.

Уже перед закрытием в клинике появилась коренастая девица с пирсингом, несмотря на жару, одетая в черное – майку, «косуху» и камуфляжные штаны.

– Могу я забрать собаку? – хмуро поглядывая на очередь, где томились по меньшей мере три овчарки, спросила она.

– Можете обеспечить хороший уход – забирайте, – разрешил Звоницкий. Провел хозяйку в кабинет и продолжил инструктаж: – Уколы делать умеете? Я вам дам антибиотики и витамины на курс лечения. Швы обрабатывать два раза в день. Воротник пока не снимать. Кормить часто, дробно, малыми порциями. Закончите колоть – добро пожаловать на контрольный прием. Если что – звоните.

– А можно лучше в Паутине?

– Простите? – изумился ветеринар.

– В Инете.

– А-а, конечно, – пожал плечами Глеб и вручил девушке свою визитку. Электронный адрес клиники был единственным, которым Звоницкий пользовался последние четыре года. – Яна, приготовьте собаку.

Девушка покосилась на дверь и сунула Глебу толстенький конверт.

– Это что?

– Это... благодарность, – неловко проговорила девица.

– Уберите, – вздохнул ветеринар. – Что вы в самом деле! Вы же оплатили стоимость операции через кассу. Я просто выполнял свою работу, а вы мне какие-то взятки непонятно за что суετε.

Девушка еще немного помаялась, потом сунула конверт в карман камуфляжных штанов и вдруг протянула Глебу крепенькую ладошку:

– Меня Вера зовут. Вера Войнаровская. Для друзей – Война.

– Рад знакомству, Вера, – пожал ее руку Звоницкий.

– Вы это... если что-то надо, обращайтесь, – предложила девушка. У нее было круглое лицо с выступающими скулами, серые глаза, густые пушистые брови и белоснежные зубы.

– А чем вы занимаетесь? – заинтересовался Звоницкий.

– Промышленным альпинизмом, – ответила Война. – И еще всяким, по мелочи.

– А, так вот что за веревку съела ваша собака! – сообразил ветеринар. – Спасибо, Вера. Если мне понадобятся услуги промышленного альпиниста, я обращусь к вам. А теперь извините, меня пациенты ждут.

В окно Глеб Аркадьевич видел, как Война вынесла завернутую в одеяло собаку и погрузила в черный внедорожник «Сузуки Джимми», уселась за руль и, довольно агрессивно респихивая других автомобилистов, выехала со стоянки. Надо же, впервые в жизни общался с девушкой-альпинисткой! Жаль, ее услуги вряд ли когда-нибудь понадобятся, покачал головой Звоницкий и вернулся к работе.

Следовало признать, что в жизни ветеринара наступила черная полоса. И связано это не столько с появлением Киры Костомаровой, сколько с уходом ее матушки Варвары Михайловны. Глеб даже не подозревал, насколько привык полагаться на эту женщину, насколько важна она в его повседневной жизни и насколько он зависим от нее. Да, порой добрейшая пожилая дама бывала излишне заботливой и назойливой, позволяла себе совать нос куда не следует и вмешиваться в его личную жизнь, но... Приходя поздно вечером с работы, Глеб Аркадьевич привык получать вкусную еду, выглаженные рубашки и благоухающий чистотой дом. А теперь что?

В доме беспорядок, от полуфабрикатов уже начинает побаливать желудок. К тому же у Звоницкого была семья. И пусть его домочадцы не ходили на двух ногах, а бегали на четырех лапах, проблем от этого не убавлялось. Дело в том, что ветеринар был счастливым обладателем собаки и кота. Толстый котяра по имени Феликс достался ему в результате совершенно фантастической истории, а обстоятельства появления в доме дворняги по кличке Грязный Гарри напоминали низкобюджетный боевик. Глеб привязался к обоим зверюгам, но как-то упустил из виду, что без домработницы любимцы сядут ему на шею. Гарри требовал долгих прогулок дважды в день, Феликс тоже просил внимания.

Звоницкий поймал себя на трусливой мысли, что, может быть, стоит попросить у пожилой дамы прощения – чем бы она ни была обижена, он всегда сможет загладить свою вину энной суммой премиальных... И пусть даже ее непредсказуемая дочка устроила ему неприятный вечер, Глеб дорого бы дал, чтобы вернуть налаженную, спокойную, благополучную жизнь, которой так неожиданно лишился.

Да что же это такое?! Как быстро он капитулировал! Мужчина он или кот, готовый на все ради мягкой подстилки и полной миски?! Неужели он, Глеб Аркадьевич Звоницкий, в прошлом сотрудник прокуратуры, а теперь успешный владелец ветеринарной клиники, не может самостоятельно наладить собственную жизнь, не прибегая к услугам пенсионерки?

Решено, самостоятельная, независимая холостяцкая жизнь начинается прямо сейчас! После работы Глеб отправился в ближайший к дому гипермаркет. Взял тележку, вкатил ее в раздвижные двери и замер на пороге. Честно говоря, он в жизни не ходил по магазинам. То есть ходил, конечно, – будучи пионером, бегал в булочную и покупал батон за пятнадцать копеек, таскал картошку с рынка для молодой жены в студенческие годы... Но потом заботу о быте взяла на себя его первая жена, а вскоре появились и первые деньги – Глеб делал карьеру, его супруга не отставала. У четы Звоницких всегда была домработница, какие-то помощницы по хозяйству. В загородном доме, помнится, устраивали приемы для «нужных людей»... Потом

были развод и взрыв. А после больницы в жизни Глеба почти сразу же возникла Варвара Михайловна.

Только он подумал про госпожу Костомарову, как тут же увидел ее саму. Варвара Михайловна бодро двигалась вдоль прилавков с крупами и, сверяясь со списком, загружала тележку. Судя по всему, у пожилой дамы не возникало никаких проблем с выбором продуктов. Звоницкий запоздало сообразил, что надо было тоже составить список необходимого, и вдруг увидел Киру. В джинсах и маечке, похожая на старшекласницу, его коварная возлюбленная брела вслед за матерью. Рядом прыгал Алеша. Варвара Михайловна то и дело обращалась к дочери, советуясь, какой сорт лапши та хочет на ужин, но Кира только вяло отмахивалась.

Звоницкий, разогнавшийся было со своей тележкой, резко затормозил. Он вовсе не собирався встречаться с семейкой Костомаровых, так осложнившей его жизнь. С Кирой, может быть, и собирався – но уж никак не в супермаркете, возле бесконечных полок с лапшой.

Фу, как неудобно! Кира может решить, что он ее выслеживает. Хотя этот магазин попросту ближайший к его дому да и к дому Костомаровых тоже. Звоницкий затаился за стойкой с рулонами туалетной бумаги. Как назло, к нему подскочила девушка-промоутер в белоснежной майке и почему-то с заячьими ушами на проволочном каркасе и затараторила заученный текст:

– Добрый вечер! Вас приветствует компания «Перышко». Представляем линейку элитной туалетной бумаги. Все цвета радуги, восемнадцать изысканных ароматов.

– Спасибо, не интересуюсь, – вежливо отозвался Глеб, высматривая в глубине зала семейство Костомаровых.

– Наборы для одинокого холостяка, для семейной пары, для большой семьи, – не отставала промоутер. – И вни-и-имание! Супергигантский набор по сниженной цене для дружного коллектива!

– Не интересуюсь, – отрезал Звоницкий, пытаясь выволочь тележку из затора. Черт, водить машину по Кольцевой в час пик легче, чем проехать с этой проволочной штукой на колесиках!

Показалось ему или за спиной Киры действительно мелькнула черная рубашка и борода?!

– Уверена, вас заинтересует наше предложение! – не сдавалась «ушастая» девушка. – Четыре рулона по цене трех, шесть по цене пяти и пятнадцать по цене тринадцати! Не упустите свой шанс!

– Да отстаньте вы от меня! – не выдержал Глеб, и тут же на него со всех сторон устремились укоризненные взгляды семейных покупателей.

– Мам, а почему дядя так кричит? – беззастенчиво поинтересовался малыш, сидевший в соседней тележке.

– Дядя устал, он много работал, – опасливо косясь на двухметрового Глеба с покрытым шрамами лицом, дипломатично ответила мамаша.

– Нервные, блин, все стали! Если псих, так сиди дома! Или лечиться иди! – довольно агрессивно заявил мужик в сандалиях, поддернул сползающие шорты и растворился в толпе.

– Конец света близок, вот и волнуются люди, – сообщила интеллигентного вида бабуся.

Тут Глеб Аркадьевич бросил тележку и рванул туда, где мелькали светлые волосы Киры. Потерять ее в такой толпе ничего не стоит. Нет, теперь у него не оставалось никаких сомнений – мужчина спортивного телосложения в черной рубашке действительно следовал по пятам за семьей домработницы. Причем точно так же, как и сам Звоницкий, незнакомец не афишировал свое присутствие, но в отличие от Глеба вполне технично прятался за полками, стойками и рекламными баннерами.

Варвара Михайловна, Кира и Алеша выстояли небольшую очередь в кассу. Звоницкий заранее занял удобную наблюдательную позицию и видел, как семейство Костомаровых, порядком нагруженное пакетами с логотипом магазина, вышло на стоянку. Вскоре туда подкатило такси, и они уехали. А вот мужчина в черной рубашке неспешным шагом направился в том же

направлении. Глеб пошел следом, раздумывая, что же теперь делать. Может быть, это простое совпадение? В Москве больше десяти миллионов человек. Мало ли, у кого борода. Ему никак не удавалось рассмотреть лицо незнакомца – как-то так получалось, что тот оказывался к ветеринару то вполоборота, то вообще спиной. В общем, борода оставалась единственной достоверной приметой. Кто этот человек? Что ему надо от Варвары Михайловны, Киры и маленького Алеши? Ведь улица, по которой он шагает, ведет напрямик к дому, где они проживают. Осталось пройти совсем немного – вон та подворотня, и начнутся новостройки...

Глеб отвлекся всего на секунду – бросил взгляд на экран телефона, чтобы заметить время: было начало десятого, но человек куда-то пропал. Что за ерунда?! Он повертел головой. Здесь совершенно негде спрятаться. Чахлые липы в скверике, скамейка и урна. В подворотню ни за что не сунется – ищи дурака! Если у типа с бородой преступные намерения и если он «срисовал» Глеба, что не исключено, так как навыками «наружки» тот не обладал, то подворотня – идеальное место для засады.

Глеб успел сделать всего два шага, как вдруг с ближайшего дерева прямо ему на плечи прыгнул человек. Тип в черной рубашке оказался высок, но жилист и худ, и у Глеба было явное преимущество в росте и силе. Он приготовился к рукопашной, но бородатый злоумышленник вступать врукопашную не собирался – у него были другие планы. Мужчина в черном вдруг поднял правую руку – Звоницкий как замороженный устался на открытую ладонь, – а левой нанес три коротких удара: в шею, плечо и грудную клетку Глеба. Собственно, это были даже не удары – так, тычки, но по телу ветеринара поползла странная слабость. Вначале похолодели ноги – Глеб хотел шагнуть, но не мог пошевелиться, потом налились тяжестью и бесильно повисли руки, а когда стало тяжело дышать, он повалился на колени, хватая воздух ртом. Самое жуткое, что ум его был совершенно ясен – ветеринар все видел, слышал, понимал – понимал, что его убивают. Прямо здесь и сейчас, в пыльном сквере с чахлыми липами. Вот только поделаться ничего уже не мог.

Зато он успел хорошо рассмотреть лицо своего убийцы. Правильные, европейские черты лица, холодные голубые глаза, короткие темные волосы и черная бородка. Теперь Глеб Аркадьевич мог бы составить подробный словесный портрет незнакомца... вот только времени у него на это уже не было. И жизни оставалось немного – всего на пару вдохов. Он вдохнул – а выдохнуть уже не мог. Сердце затрепетало в груди пойманной бабочкой, пропустило два удара – и остановилось окончательно. Последней мыслью ветеринара Звоницкого оказалась строчка из песни: «Мое сердце остановилось, мое сердце замерло...» И наступила темнота.

Глава 3

Сознание вернулось к Глебу внезапно – просто включилось, точно тостер или электрический чайник. Секунду назад ничего не было – и вот он, мир, снова на привычном месте. Все пять чувств подают сигналы. Зрение сигнализирует, что в лицо Звоницкому светит яркая лампа. Слух докладывает, что рядом жужжит вентилятор. Обоняние услужливо доносит запах больницы, а осязание дополняет ощущение холодка на голой коже. О вкусе и говорить нечего – во рту точно кошки побывали. Так, все ясно. Кажется, он в больнице.

Звоницкий поспешно сел – и тут же мир заиграл новыми красками. Все пять чувств «сменили пластинку» – во-первых, Глеб ударился головой обо что-то металлическое, раздался звон разбитого стекла, зловещее шипение, запахло паленым, осколки царапнули кожу, а свет погас, и воцарилась кромешная темнота. В ужасе ветеринар прижал руки ко лбу и услышал громкий, энергичный мат, из той разновидности, какую именуют «художественным».

– Он живой! Да вы что там... что ли?! Живого мужика, даже не разобравшись толком! А если б я его вскрыл?!

Зажегся тусклый свет под потолком, и Глеб смог наконец разглядеть, куда же он попал. Ветеринар сидел на металлическом столе посередине подвального помещения с зарешеченными окнами. Над его головой раскачивалась разбитая лампа. От кондиционера в углу тянуло морозом. Ряды оцинкованных столов, на некоторых с головой накрытые белым тела. Все ясно. Он попал в морг.

Рядом со столом стоял сутулый человек в несвежем белом халате. Глеб успел рассмотреть на эмалированном лотке скальпели, пилы, нечто, напоминающее коловорот, еще какие-то малосимпатичные инструменты и поспешно отвел глаза. Кажется, ветеринару очень повезло, что он очнулся именно в эту секунду, а не, скажем, минутой позже...

Глеб ощупал лицо – на лбу пульсировала боль и прямо под пальцами набухла шишка. Но в целом... Следовало признать, что в целом ветеринар чувствовал себя не хуже, чем обычно. Никакой противной слабости, одышки и прочего. А главное, сердце стучало сильно и ровно.

– День добрый, – несколько невпопад поздоровался он. – Где я нахожусь?

– Ночь уже, – мрачно отозвался мужчина в халате. – А находитесь вы в морге шестьдесят второй городской больницы.

– Ага! И как я сюда попал? На улице подобрали?

– Это мне неизвестно, уж извините, – пожал плечами патологоанатом. – Только привезли вас на «Скорой» без признаков жизни. И сразу ко мне. – Он вдруг хмыкнул: – Это вам повезло, что у меня сейчас очереди нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.